

Лян Цзивэнь не сразу уловил подтекст его слов и не понял, что с ним случилось, но решил подыграть, говоря приятно:

— Я тебя не брезгую! Когда я тебя брезговал? Даже если ты состаришься, не сможешь ходить и говорить, я всё равно не буду тебя брезговать!

— А что, если у тебя появится пара? — Чжань Цзюцзян не осмелился сказать «жена», иначе он бы сам не выдержал.

— Пара — это пара, а ты — это ты. Как можно сравнивать пару с тобой? Я могу отвергнуть её, но не тебя. — Лян Цзивэнь аккуратно сложил его растрепанную одежду, не поднимая головы. — Наш Цзюцзян такой замечательный, красивый, с хорошим характером, много знает... — Лян Цзивэнь говорил от души. Хотя Чжань Цзюцзян любил с ним спорить, порой упрямый, чем бык, его характер действительно был хорошим. За столько лет они поссорились только один раз.

Чжань Цзюцзян не осмеливался говорить, боясь, что слёзы вот-вот хлынут.

— В чём дело? Я сказал, что ты лучше моей будущей пары, а ты молчишь? — Лян Цзивэнь с недоумением поднял голову, и слёзы Чжань Цзюцзяна хлынули ручьём.

— Лян Цзивэнь, я хочу сладкой дыни! — Чжань Цзюцзян рыдал, задыхаясь, его глаза и нос покраснели.

— Ладно, ладно, я тебе сорву. Когда ты сядешь на поезд, я принесу тебе ещё семнадцать-восемь штук, хорошо? — Лян Цзивэнь, смеясь, похлопал его по спине, успокаивая. Он знал, что причина слёз Чжань Цзюцзяна была не в этом, но он предпочитал подыгрывать.

— Мне ещё нужно мясо, рыбу, грибы, финики... — Чжань Цзюцзян перечислил кучу вещей, и постепенно его плач стих, дыхание выровнялось. Они сидели лицом к лицу, мечтая о будущем.

Чжань Цзюцзян смотрел на мягкую улыбку Лян Цзивэня, но так и не сказал о том, что больше всего хотел забрать с собой.

Вечером бабушка Лян и двое других вернулись. За столько лет Чжань Цзюцзян стал для них почти как родной внук. Дедушка и бабушка Лян добавили ещё больше вещей к и без того огромному багажу Чжань Цзюцзяна. Вечером все вместе устроили шумное застолье. Неожиданно дедушка Чжань и Чжань Цзюцзян остались ночевать в доме Лян.

Дедушка Чжань был упрямым, он никогда не ночевал вне дома, но сегодня сделал исключение. Бабушка Лян подготовила две нары. Дедушка и бабушка Лян спали на одних, Тянь Сянжуань по-прежнему с Лян Тин и Лян Сысы, а Чжань Цзюцзян с дедушкой Чжань.

На следующий день нужно было ехать на поезде, но дедушка Чжань не смог сдержаться и долго говорил с Чжань Цзюцзяном. Тот внимательно слушал и запоминал, его глаза покраснели, но он не позволил себе заплакать — боялся, что дедушке станет тяжело.

— Дедушка, не волнуйся, просто представь, что я уезжаю учиться, только школа будет долго не отпускать. — Чжань Цзюцзян с трудом сдерживал слёзы, которые катились по его щекам и скрывались в волосах. Он не вытирал их, делая вид, что всё в порядке. — Я уже взрослый, позабочусь о себе.

Он даже пошутил:

— Ты что, думаешь, я умру с голоду без Лян Цзивэня?

Дедушка Чжань долго молчал, и Чжань Цзюцзян нервничал в тишине, пока не услышал его невнятный ответ:

— Я так не думаю...

На следующее утро, позавтракав рисовой кашей, яичными блинчиками и выпив соевый суп, папа Лян пошёл и одолжил в бригаде единственный трактор. Трактор, тарахтя «трр-трр-трр», вёз их долго, до самого вокзала. Не обращая внимания на взгляды окружающих, папа Лян настоял на покупке билетов, пробиваясь через толпу. Чжань Цзюцзян внимательно наблюдал за ним.

— Вэньвэнь, ты хорошо присмотри за Цзюцзяном, будь осторожен в дороге, понял? — Папе Лян нужно было возвращаться, чтобы сдать трактор, хотя он и не хотел уезжать.

— Папа, не волнуйся, я обязательно доставлю Цзюцзяна в целости и сохранности. — У Чжань Цзюцзяна был только дедушка, а взрослые из семьи Лян были заняты на полевых работах. Хотя они хотели его проводить, Чжань Цзюцзян отказался, и Лян Цзивэнь вызвался сам, пообещав и ещё раз гарантировав. В конце концов, учитывая физическую силу, всё же отправили Лян Цзивэня.

Чжань Цзюцзян и Лян Цзивэнь сели в поезд, а папа Лян остался внизу смотреть на них. Увидев, что они смотрят на него, он широко улыбнулся, показав крупные зубы, и замахал им.

— Папа, иди домой! — Расставание всегда тяжело. Лян Цзивэнь, не желая, чтобы папе было больно, крикнул ему, чтобы шёл скорее. Чжань Цзюцзян тоже уговаривал, но папа Лян будто врос в землю и стоял неподвижно.

Поезд медленно тронулся, и папа Лян побежал рядом. Зелёный вагон уехал далеко-далеко, а папа Лян всё бежал.

Чжань Цзюцзян смотрел на удаляющуюся фигуру, пока лицо перестало быть видно, потом руки, а пока всё тело не превратилось в чёрную точку, он не хотел убирать голову в вагон. С детства не зная отца, он в сердце своём постепенно превратил образ доброго, честного и отзывчивого папы Лян в величественную вершину.

— Ты же вернёшься, о чём плакать? Если Юю увидит, опять смеяться над тобой будет. — Лян Цзивэнь прижал к себе заплаканного Чжань Цзюцзяна, вытер ему слёзы и сопли, достал из-под сиденья сладкую дыню, чтобы развлечь его.

Лян Цзивэнь сдержал слово: в тот день сказал, что принесёт семнадцать-восемь дынь, и действительно принёс восемнадцать, выбрав самые красивые и сладкие.

— Хочу ещё одну! — Съев одну, Чжань Цзюцзян важно распорядился. Лян Цзивэнь, видя, что он наконец вернулся к обычному состоянию, обрадовался.

Они сели на поезд в одиннадцать утра, а в город Цзиньшань прибыли в пять утра. В поезде было много людей и мало места, Чжань Цзюцзян мало спал, выйдя на вокзал, он зевал без остановки. Цзиньшань был столицей их провинции, и поблизости было много гостиниц, но сейчас было только пять с чем-то утра, и ни одна гостиница ещё не работала. Лян Цзивэнь, таща большие и маленькие сумки, нашёл уголок, расстелил мешковину и усадил Чжань Цзюцзяна, обнял его и дал поспать.

— Ты разбуди меня... — Чжань Цзюцзян был очень уставшим, свернулся у Лян Цзивэня на груди и вскоре крепко уснул. Вокруг было немало таких же людей, но все старались вести себя тихо. Много поездов прибывало глубокой ночью, здесь были те, кто жалел денег на гостиницу, а также такие, как они, кто хотел заселиться, но гостиницы ещё не открылись.

Лян Цзивэнь следил за обстановкой. В семь тридцать люди начали потихоньку выходить, и Лян Цзивэнь понял, что гостиницы открылись. Но выходить сейчас было бесполезно — номеров было мало, ближайšie точно уже разобрали, лучше подождать, когда людей станет меньше, и тогда идти искать.

Ещё через полчаса Лян Цзивэнь разбудил Чжань Цзюцзяна. Они взвалили вещи на себя и через три улицы нашли гостиницу. В номере работала девушка двадцати двух-трёх лет, похоже, только что пришедшая на смену. Увидев клиентов так рано, она выглядела довольно раздражённой. Проверив рекомендательное письмо, она с пренебрежением велела поставить вещи подальше и повела их в очень маленькую комнату. Лян Цзивэнь взглянул: солнца мало, комнатка тесная, кровать маленькая — двум людям с таким количеством вещей там точно будет неудобно.

Лицо Чжань Цзюцзяна помрачнело. Из-за бессонницы его лицо было сероватым, волосы растрёпаны, весь он был в пыли, на рубашке, которую он носил уже несколько лет, виднелись заплатки и большое пятно от еды, пролитое нечаянно — никакого обаяния, которое так действовало на девушек. Он уже собрался вспылить, но Лян Цзивэнь поспешил его остановить.

Он встречал разных людей и не обратил внимания на её непонятное превосходство, сказав:

— Потрудитесь открыть нам ещё один номер, побольше.

С этими словами он протянул три юаня. Сейчас полагались только одноместные номера, даже супругам не разрешали жить в одной комнате, хотя цена была одинаковой, но размеры комнат различались, всё зависело от администратора. Номер стоил два юаня, остаток составлял чаевые для обслуживающего персонала.

Администратор быстро сунула деньги себе в карман, подняла подбородок и нетерпеливо сказала:

— Зачем сразу не сказали? Теперь придётся снова возиться с оформлением.

<http://bllate.org/book/16557/1511079>